

золота, скрытые в подземельях дворца, но всетаки не избег, казни. Хулагу велел сжечь великолепную мечеть, в которой проповедовали халифы, дававшие образец всему мусульманскому миру, а также предать огню гробницы Аббасидов. После этого Хулагу приказал остановить грабежи, сказавши: «власть над Багдадом принадлежит теперь мне, пусть жители спокойно остаются на месте и возвращаются каждый к своему делу».

При пятом из великих ханов, Кублае (1260—94) держава монголов достигла величайших своих размеров. Из Каракорума Кублай перенес свою столицу в Пекин. Его полководцы двинулись на юг, за Хоан-го и Янцзы, взяли в Ханьчоу в плен всю императорскую семью Сун-ов, покорили южный Китай до Тонкинского залива, разгромили Тибет. В 1281 г. из Кореи, добровольно подчинившейся монголам, Кублай отправил экспедицию в Японию, но корабли разбила буря, и дальше монгольское завоевание уже не пошло.

Конец крестовых походов. Разрушение Багдада было видимым знаком конца мусульманской культуры, просуществовавшей 6 веков (632—1258). Правда, монгольские ханы со своим зорким глазом на образованных людей, пригодных для управления, счетоводства, инженерного, врачебного дела, старались привлечь к своему дворцу арабских и персидских ученых; но тем не менее школы, в которых изучались науки и искусства, благодаря общему разорению, принесенному монголами, пришли в полный упадок. Сколько ни пытается арабский биограф Чингис-хана прославить монгольского властителя, а все же ему приходится признать*, что наступила пора темного варварства. «Нет больше литературно образованных людей. Вес должности вплоть до высших занят ничтожествами, жалкие проходимцы стали визирями и эмирами, всякий раб изображает из себя господина, всякий, кто надел тюрбан (признак ученого и духовного лица, тогда как светские носят остроконечные бараньи шапки) считается ученым. Наступил голодный век для знания и добродетели, а для невежества и порока базарный праздник, когда все благородное втаптывается в грязь, все низменное получает преимущество».

Монголы, сами язычники и частью буддисты, проявляли всюду веротерпимость, происходившую частью от их равнодушия к религии, частью из политического расчета: им выгодно было ослабление покоренных братоубийственной борьбой, которая поднялась, с провозглашением свободы, между суннитами, шиитами и сектантами. Казалось бы, для европейских крестоносцев это разложение мусульманского мира открывает новую возможность завоевания востока тем более, что монголы из-за Евфрата предлагали сирийским христианам свой союз против турок. Но в это время сами европейцы, столь обогатившиеся от крестовых походов XII века, переживали глубокий разлад в собственной среде. Духовные руководители Европы, папы, на высоте своего могу-